

18+

ВИКТОР КОВАЛЕВ

Рассказы майора Базленко

Виктор Ковалев
Рассказы майора Базленко

«Издательские решения»

Ковалев В.

Рассказы майора Базленко / В. Ковалев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-538772-1

Рассказы о Советской армии, испытательном полигоне Сары-Шаган, юмор из жизни офицеров и их семей. Полигон располагался в Центральном Казахстане, город Приозёрск — на берегу озера Балхаш.

ISBN 978-5-00-538772-1

© Ковалев В.
© Издательские решения

Содержание

Город зимних фонтанов	6
Выезд на 22 площадку	8
Почему Базленко не ходил в офицерскую столовую	11
Рассказ о том, как Базленко замерз первый раз	13
Рассказ о том, как Базленко замерз второй раз	14
Замполит	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Рассказы майора Базленко

Виктор Ковалев

© Виктор Ковалев, 2021

ISBN 978-5-0053-8772-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Город зимних фонтанов

Как только не называли Приозерск.

И городом сосланных, городом лейтенантских слез, но больше всего подходило – город зимних фонтанов.

Приозерск располагался на берегу озера Балхаш, в Джезказганской области Казахской ССР, в степи Бетпак-Дала (Голодная степь), и был центром полигона, предназначенного для испытания зенитно-ракетной, ракетно-космической техники.

Такую роскошь мог позволить себе только Советский Союз, имевший вторую экономику мира. На различных удалениях от города находились измерительные площадки, до некоторых можно было только добраться вертолетом, если позволяла погода, и был трезвым экипаж.

Первое и второе случалось крайне редко. На небольших площадках несли службу двадцать-тридцать офицеров и рота солдат. На больших – до ста солдат и офицеров и батальон, а то и полк солдат.

Попадали сюда выпускники различных военных училищ, в основном залетки, или те, у кого не было «мохнатой лапы», и кто мог рассчитывать только на Божью волю и свои силенки.

Помимо резко – континентального климата, зимой – минус сорок, летом – плюс сорок, к холоду подключался пронизывающий до костей ветер, а к жаре – «афганец» – раскаленный ветер с песком.

Но самой страшной проблемой была вода. Воду забирали насосные станции из Балхаша, пытались фильтровать, но пить ее было невозможно. Кипятили, процеживали через угольные фильтры, отстаивали, но растворенные в воде соли не исчезали.

Майоры и подполковники ездили на своих машинах в Коктаз, обеспечивая семейство родниковой водой, но большинство жителей травились Балхашской водицей.

Потом стали приходиться крайне редко железнодорожные цистерны и можно было видеть как молодые мамы с колясками через весь город везли драгоценную влагу, которая доставалась только детям.

Эта же Балхашская вода заливалась в систему отопления, трубы шли на высоте пяти метров, закутанные теплоизоляцией и пронизывали весь город. Зимой отопление включалось, соль разъедала стенки труб, пар с водой вырывался на свободу, мороз делал свое дело, и на месте прорыва образовывался гигантский сталактит желтого цвета. Этими сосульками был украшен весь город.

Мое повествование не относится к мужеству солдат и офицеров, выполнявших боевую задачу партии и правительства, осваивая новую технику, страдающая от морозов и нестерпимой жары.

Этого вы здесь не найдете. Юмор, военная глупость, граничащая с идиотизмом, и конечно любовь, которая витала везде. И каждый дом, и каждый подъезд был охвачен этим всеобъемлющим чувством.

Я должен был распределиться в Подмосковский Солнечногорск, так называемый трамплин, откуда выпускников военных училищ разбрасывали по всему подмосковью.

Но помешала излишняя любовь к котлетам и пирожкам, которыми изобилывал наш училищный буфет, в обиходе называемый «чипком».

За двадцать дней до выпускных экзаменов, я по многолетней привычке свинтил с занятий и утречком напрямик направился в буфет, где меня ждала еще неразбавленная сметана и ватрушки с пылу с жару.

Возник конфликт с дежурившим в буфете курсантом с инженерного факультета. Перекусив, и отправив инженера в нокаут «ураченом», я благополучно поехал на гауптвахту вместо торжественного вручения диплома на плацу. После «губы» начфака полковник Сырко, знаме-

нитый идиотской улыбкой кровожадного клоуна, лично вручил мне предписание в город зимних фонтанов.

Хочу заметить, что несмотря на отвратительную воду, Приозерск по праву считался жемчужиной в степи. По сравнению с казахскими городами, с унылыми горожанами и такими же унылыми голодными коровами, искавшими пропитание на помойках в виде газет, полиэтилена и арбузных корок, Приозерск был не жемчужиной, а бриллиантом.

Имелся свой зоопарк, пляжи не уступали черноморским, городок снабжался не хуже Москвы. В магазинах были продукты, о которых не слышали в провинциальных городах СССР.

И еще одна особенность была присуща этому затерянному в степях городу. Несметное количество красивых женщин.

Лейтенанты увозили к месту службы лучших красавиц. Приехав, убывали на дальние площадки, красавицы скучали и этим пользовались офицеры, служившие в городе или неподалеку.

Летними ночами можно было видеть такую картину: молодой человек сграбастав в охапку брюки и рубашку, с фуражкой и туфлями, стремглав несся по проспекту Ленина в одних трусах. За ним с криком: «Стой, подлец!» мчался капитан или майор в форме.

В этом соревновании иногда побеждал опыт, но чаще всего молодость и страх быть пойманным. Были случаи, когда к погоне присоединялся патруль в составе офицера и двух солдат.

Если беглеца удавалось поймать или вычислить незадачливого любовника, рогатый муж, униженный и оскорбленный летел в политотдел, искать справедливости. И то там-то сям проходили суды чести младших и старших офицеров. Любовникам выносили строгача за аморалку и задерживали получение очередного воинского звания.

Офицерам, их жёнам, любовницам и любовникам, рогатым мужьям, просто влюбленным, заброшенным на окраину советской цивилизации я и посвящаю свое повествование.

Выезд на 22 площадку

Возле универсама «Весна» на автобусной остановке, ежась от пронизывающего зимнего ветра, стоял старший лейтенант с опущенными и завязанными под подбородком клапанами зимней шапки. На носу красовались заиндевшие от мороза очки.

Поначалу карьера у Димы Горбачева складывалась более чем удачно. Блестяще окончив с золотой медалью физико – математическую школу, поступив и также успешно закончив физмат МГУ, Дима повелся на предложение начальника военной кафедры полковника Свиныхова, и повинувшись приказу министра обороны о том, что выпускники вузов с военной кафедрой обязаны два года отслужить в доблестной Советской Армии. Горбачев в военкомате написал заявление о поступлении в Харьковскую радиотехническую академию ПВО имени маршала Говорова.

К двухгодичникам прочно прилепилось прозвище «пиджак», после того как один из новоиспеченных офицеров понарошку или всерьез назвал пиджаком китель.

Родственников, служивших в армии у Горбачева, и готовых похлопотать за своего подопечного, отродясь, не было. Учитывая этот прискорбный факт, Дима вместе со своим однокурсником Тюриным, чья жена не поделила место на балконе офицерского общежития для просушки белья, и устроившая скандал на всю академию, был распределен в Приозерск.

Но при распределении ему повезло: он попал в научно – исследовательскую часть к полковнику Пальченко. Часть, которая была далека от шагистики, идиотских строевых смотров, спортивных праздников и той бесконечной дури, которая изобиловала в вооруженных силах СССР.

Там непосредственно занимались наукой. В части устраивались капустники, соперничавшие с лучшими театрами СССР, среди офицеров было немало мастеров спорта, поэтов и альпинистов. Часто устраивались поэтические вечера и шахматные турниры.

Основное назначение полигона было испытание и прием военной техники, произведенной военно-промышленным комплексом СССР. Представителей ВПК называли промышленниками, «промыслом», белой костью.

Промышленники получали зарплату, многократно превосходящую жалованье офицеров. Жили промышленники в элитных гостиницах, куда администраторам, горничной или просто уборщицей мечтало устроиться большинство офицерских жен.

В распоряжении промышленников были лучшие яхты и катера, особняки вдоль Балхаша, теннисные корты, не говоря уж о саунах с бассейнами.

И Дима покусился на святое святых. На благополучие промысла. Изобретенный им прибор сводил на нет многолетний труд гражданских инженеров. А значит, лишал премий, различного рода привилегий и, возможно, государственных наград.

Диме же сулили кандидатскую диссертацию и внеочередное воинское звание – капитан. Служивцы уже поздравляли Горбачева искренне восхищаясь. Промышленники ходили как в воду опущенные.

С начальником НПО «Бриллиант» после доклада о изобретении Горбачева и возможных последствиях, случился сердечный приступ.

На совещании НПО и министерства обороны было принято Соломоново решение.

Изобретение Горбачева признать крайне вредным, разработку засекретить, опытный образец уничтожить. НИЧ разогнать, а главного виновника сослать на дальнюю площадку, чтоб неповадно было. Сказано – сделано.

И вот Дима Горбачев стоял на промерзшей улице, ожидая КАМАЗа – вездехода для выезда 22 измерительную площадку. Пуская дым, приторно пахнувший соляжкой, подъехал КАМАЗ с тентом. В кабине, кроме водителя, си дело два офицера.

– Иди сюда, гений! – откинув тент, позвал Диму капитан в тулупе, с нашитыми поверх погонами.

Дима перелез через задний борт, увидел посередине кузова запасное колесо, на котором сидело пять или шесть офицеров. Все были в валенках. Дима робко присел на колесо, прижимая к себе сумку с пожитками. Кто-то протянул ему один валенок.

– Извините, ваше благородие, только один, ноги скоро закоченеют, будешь греть по очереди.

Часа через два, надышавшись вдоволь выхлопными газами и промерзший до костей, Дима ощутил, что КАМАЗ сбросил скорость и начал двигаться рывками, буксуя то на одном, то на другом месте. – съехали с бетонки – пояснил офицер, помогавший Горбачеву забраться в кузов.

Из беседы с будущими сослуживцами Дима узнал, что перед съездом с бетонки необходимо заехать на 35 площадку и передать на 22 что выехали. Если КАМАЗ через три часа не приедет – высылают БАТ – армейский тягач на базе танка, только вместо башни с пушкой кабина от ГАЗ-51, а спереди ковш для чистки снега.

При безуспешных попытках вырваться, по инструкции водителю и старшему машины положено израсходовав все запасы солярки поджечь запасное колесо, которое горит один час сорок минут, затем поджигать машину.

Как понял Дима, практически у каждого из офицеров имелся опыт по поджиганию запасаки. Еще через пару часов, зарывшись в сугроб, КАМАЗ обреченно стал. Офицеры, взяв сумки и рюкзаки, выпрыгнули в снег.

– Пойдем, старлей, – кто-то хлопнул Диму по плечу, – три версты прорвемся как –нибудь.

В ночи светилась 22 измерительная площадка, проще ИП-22. Проваливаясь в снег, где по колено, где по пояс, Дима, стуча зубами от холода, думал о превратностях судьбы военного человека. И еще о том, что какой глупой была идея связать судьбу с армией.

Шагая вслед товарищам, Дима узнал, что в прошлом году волки загрызли водителя, оставившего машину и пытавшегося в зимнюю ночь добраться до площадки.

– Как загрызли, совсем?

– Нет, шапку оставили, овчину волки не едят.

– И что?

– Шапку, по описи начальнику вещевого службы сдали, а солдата прислали нового. И все.

На площадке, поужинав и отогревшись, Дима пошел представляться своему начальнику, майору Базленко. Тот сидел на диване в комнате отдыха в спортивном костюме, прихлебывал чай и смотрел единственный канал по телевизору.

– Садись. Отставить доклад. Меня зовут Базленко Александр Иванович, наедине просто Саня. Расскажи о себе в двух словах.

Выслушав Диму с неподдельным интересом, посмотрев 20 авторских свидетельств о изобретениях, Базленко многозначительно произнес

– Да-а-а.

– Что я могу предложить, Дима? Вверяю тебе КРАЗ, по прозвищу «Захар».

– Какой КРАЗ?

– С бочкой – двадцать тонн для доставки воды раз в неделю от скважины на площадку. У КРАЗа стуканул движок, поэтому туда двадцать километров и назад двадцать километров его таскает гусеничный трактор. На скважине стоит глубинный насос и дизель, который надо запустить, чтобы насос накачал воду.

Причем очень хорошо постараться, чтобы этот дизель запустился. Иногда на это уходит целый день. Вот твоя задача раз в неделю привезти воду и свободен как ветер.

Хочешь в сауне мойся, здесь у нас сауна есть с небольшим бассейном, хочешь на лыжи и сайгаков стрелять. Можешь книги писать. Хотя у нас есть один писатель Коля Большаков. В общем, что хочешь делай, главное водой обеспечить.

Представлю тебе всех сослуживцев.

– Начальник площадки майор Тушканов, появляется здесь крайне редко. Если увидишь двухметровый кол, на который как-то ухитрились натянуть шинель и повесить шапку – это майор Тушканов.

– Старшие лейтенанты Лямин, Аксенов, пиджак Чеснов, Капитаны Басов, Леонтьев, Роговой, лейтенант Лубнин – начфин, начпрод, начвещ, все в одном лице. Майоры Черноусов – начальник штаба, Николаев – замполит и я, теперь еще тебя принесло.

Действует карточный клуб с очень жесткими правилами. Будут звать очень настойчиво. Не соглашайся, осмотришься. И хорошо подумай. Жить будешь в гостинице, питаться в столовой, хотя я готовлю сам. Могу рассказать почему. Если интересно.

Почему Базленко не ходил в офицерскую столовую

– Послушай, Дима, я так понимаю, ты солдат Советской Армии видел только издали?

– Ну да. В патруль по Приозерску ходил два раза, давали двух солдат узбеков. По русски ни слова.

– Вот видишь. А с нашими солдатами офицеру держать ухо надо остро. Я бы сказал даже два уха.

Десять лет назад, когда я пришел на эту площадку старшим лейтенантом, начальником СКТ – скоростной кинотелескоп, обстановка в части была ужасной. Солдаты были неуправляемые, и самое обидное, что ничего с ними нельзя было сделать. Гауптвахты на площадке не было, а сдать бойца на губу в Приозерск, это нужно было ой как постараться. Начальнику гарнизонной гауптвахты необходимо было привезти килограмм двадцать гвоздей, литров десять олифы или краски, пару литров спирта. И тогда боец может сидеть месяц. Приходит оттуда как шелковый, но где же на всех гвоздей и краски напасешься. Особенно спирта. Поэтому солдатики и распоясались. Доходило до того, что после отбоя дежурный по части, зайдя в казарму, мог получить по физиономии табуретом или сапогом.

И это безобразие продолжалось до тех пор, пока командиром части не был назначен капитан Буланов, крепыш среднего роста, зимой и летом в фуражке и черных очках. Спирту знал грамотное применение.

– С открытым огнем к капитану Буланову ближе одного метра не подходить во избежание возгорания.

Оценив обстановку, Буланов съездил в город и за три литра спирта попросил у милиции пару наручников. Построив часть, Буланов зачитал приказ:

– За систематическое нарушение воинской дисциплины, издевательства над молодыми солдатами, халатное отношение к служебным обязанностям, неповиновение командованию, приказываю:

– Рядовых Исмаилова и Белова расстрелять. Лейтенанту Супрунову и Седых получить оружие, старший лейтенант Базленко выделить четырех солдат с лопатами.

На приговоренных к расстрелу одели наручники, погрузили в ГАЗ-66 со всей командой и вывезли за пятьдесят километров от площадки. Пока четверо солдалят рыли могилу, приговоренные вопили от ужаса, что не имеют права, капитана Буланова посадят, что они все поняли, исправятся и будут вести себя хорошо.

Копачей загнали в «шишигу», так называли ГАЗ-66, за сопкой синхронно прозвучало два выстрела.

– Закопать! – последовала команда. Четверка, подойдя к могиле, увидела брезент, укрывавший дно могилы, с краю виднелись две пары кирзовых сапог.

– А что с солдатами, – удивленно спросил Горбачев.

– Ничего. Погрузили в подъехавший узик и увезли на самую дальнюю площадку. Замполиту была дана команда читать приходившие письма, чтобы обман не вскрылся.

Те четверо, что закапывали, приехав в часть, в подробностях рассказывали о расстреле, что они своими глазами видели трупы, и вот этими руками закапывали.

После этого жизнь в части изменилась. Солдаты, завидев офицера, переходили на строевой шаг, любой приказ выполнялся безукоризненно. Слухи о расстреле передавались годами. И вот уже много лет наша славная двадцать вторая держит первое место на полигоне по дисциплине, спорту и измерительным работам.

– А как иначе. Объясняй, доказывай солдату по хорошему, по плохому, уговаривай, угрожай, он все равно по своему сделает.

Даже животные это чувствуют. Лежит змея на солнышке, греется, или скорпион, сто раз офицер пройдет, они даже не пошевеливаются. Но как только на горизонте появится солдат, змея или скорпион будут улепетывать во все лопатки.

Со змеи снимут шкуру живьем, сделают браслеты, скорпиона залиют в бокситную смолу, получится брелок и отправят домой на память о службе.

Был такой случай. Иду я на объект продолжал Базленко, – вдруг мимо меня огненный шар со скоростью света один, второй, третий. Я заволакиваю за склад КИП, и вижу картину. Трое доблестных бойцов наловили сусликов, обливают их бензином и поджигают. Однажды такое проделали с вороной. Та, неистово каркая, очевидно решив дорого продать свою птичью жизнь, летела на склад горюче – смазочных материалов, где все залито соляркой и бензином. Пыхнуло бы так, что с Приозерска было бы видно.

Леонтьев, дежуривший по части, две обоймы разрядил, мимо, хорошо хоть рядовой Абдурасулов палкой попал.

Но вернемся к столовой. Работал у нас поваром некий Гатилин из Орла, по кличке Князь. Роговой невзлюбил его страшно. То посуда плохо вымыта, то в столовой бардак, все недоважено, пересолено, пережарено. Вообще на подсобное хозяйство пора Князя отправить свиней кормить.

– И вот я обратил внимание, что котенок столовский постоянно ходит с вымазанным задом. То кефир, то молоко, то кисель. Заметил, но значения не предал.

Потом уже, когда Князь демобилизовался, открылись ужасные вещи. Прежде чем Роговому нести третье блюдо, Князь сажал задницей котенка в стакан или чашку. Мстил таким образом сучонок. Приятного аппетита, Миша Роговой!

Солдаты посмеивались, офицеров втихомолку стали звать законтаченными. Роговой, узнав, пришел в бешенство, кричал, что в отпуске поедет в Орел и найдет Гатилина. Поорал, поорал, да и успокоился. Но я тех пор в столовую ни ногой. И тебе не советую. Неизвестно что там повар в стакан положит или засунет. Приходи вечером ко мне на ужин, блинчики с твоим рогом будут.

Рассказ о том, как Базленко замерз первый раз

Первый раз со мной это случилось под Новый год.

Осенью моя первая жена сказала, что меня любит, но не настолько сильно, чтобы всю молодость просидеть в Приозерске, зарабатывая камни в почках, дочку хочу в охапку и укатила к маме в Харьков. Мне остались двухкомнатная квартира на бульваре Гагарина и алименты.

В одном из домов в квартире взорвался баллон с пропаном. Приказом по гарнизону запретили использование баллонов, пользоваться только электрическими плитками. Весной баллоны вывели на улицу, а к домам потянулись трубы.

В советской Армии делается все по приказу, а что бывают приказы идиотские – это не обсуждается. Главное выполнить. Подрались солдаты, один ударил другого ножом. Приказ, изъять все ножи, даже перочинные.

Солдат с ведром пошел по воду, поскользнулся, дужкой ведра выбил глаз. Приказ, ведра железные изъять, ходить по воду с брезентовыми.

Солдаты подрались швабрами, проломили голову. Приказ, все швабры сдать, полы мыть руками.

Что дальше. Прорвало трубу отопления на улице, вечером выключили свет. Тридцать первое декабря. Мороз – двадцать градусов. Как обычно зима пришла неожиданно. В довершение всех моих бед меня затопил сосед сверху, капитан ВВС Галкин.

Мороз стал усиливаться. Стены покрывались льдом, украшая причудливыми рисунками новенькие обои.

Первого января должна была приехать Зоя из Житомира, кандидат в будущую жену. Раздосадованный, я поднялся к Галкину, тот праздновал отъезд жены к родителям. Праздновали с размахом. На столе стояла трехлитровая банка наполовину пустая, с «массандрой» или «шпагой» – спирт с дистиллированной водой. «Массандра» от «шпаги» отличалась только пропорцией спирта. Оттужил я Галкина и гостей и пошел в свою ледяную пещеру, прихватив в подъезде черенок от сломанной снеговой лопаты.

Черенок через час пригодился. Галкин с двумя сослуживцами, опомнившись, решил меня навестить. Поработал черенком я хорошо, даже согрелся.

Попытался закрыть дверь, бесполезно, все было сковано льдом.

Я на диван сгрузил все одеяла, шинели, пальто, одел на себя все что нашел, нырнул в эту берлогу и попытался заснуть.

Среди ночи меня разбудил свет фонаря. Опять Галкину нейметя, подумал я, выползая из вороха шинелей и попытался вновь встретить гостей черенком, но не успел. Руки завернули за спину и уткнули головой в ледяной пол. Оказывается, патруль искал беглых солдат и обходил брошенные, нежилые квартиры, подвалы, и, естественно моя квартира больше всех подходила для приюта дезертиров.

На следующий день приехала Зоя. Вечером я уже ее проводил, выслушав уже знакомое до боли:

– Я люблю тебя, но не настолько.

Лучше всего эту фразу произносили ленинградки, такт глубоко, так проникновенно, наверное, сам Станиславский на том свете аплодировал и кричал: «Верю»!

Галкин помогал мне делать ремонт и бурчал:

– Надо же, как повезло. Одна сдернула и вторая. Дня даже не вытерпела. А тут десять лет кровь пьет ведрами, сука.

Рассказ о том, как Базленко замерз второй раз

Старший лейтенант Кучинская Татьяна мне никогда не нравилась. Ну, не совсем, чтобы не нравилась, наверное, все – таки нравилась. Немного.

Но не настолько, чтобы тратить время на ухаживания. Во первых она была выше меня ростом и взгляд такой, как будто на тебя смотрят через прицел.

И дернула меня нелегкая однажды сболтнуть

– Ну, Танюха, у твоего суженого сегодня стрельбы, до его площадки сто километров, поэтому жди меня в гости. Накрой стол с бутылкой водки посередине, а ты в халатике прозрачном, легкая музыка лишней не будет.

Танька хмыкнула.

– А что так скромно, водка? Может уж сразу на коньяк разорюсь? Что мелочиться?

– Можно и коньяк. Но учти, я подхожу к твоей двери, толкаю, открыта – захожу, нет – звонить и тарабанить не буду.

– Ковровую дорожку стелить не надо?

– Пожалуй, лишнее.

Сказал и забыл. И уже поздним вечером, возвращаясь от дамы, накормленный и обласканный, я, проходя мимо «Трех сестер» – так назывались три девятиэтажки на бульваре Космонавтов, вспомнил, что обещал Танюхе зайти.

Особенности девятиэтажных домов были следующие: лифт или не работал вовсе, или до пятого этажа, мусоропровод, очевидно, из солидарности с лифтом тоже был исправен до пятого этажа. Еще эти дома были известны тем, что на один из них пикировал МИГ-25, после того как летчик каким-то образом узнал, что в это время его жена развлекается с любовником. Не делать пики, летчика уговаривал взмокший от ужаса возможных последствий замполит. После, когда летун передумал, а начальник политотдела прослушал запись разговора, замполита повысили в звании и перевели в политуправление ВВС.

Лифт, на удивление затрясся всеми железяками и уныло потянулся наверх.

И вот я стою перед Танькиной дверью, толкнул едва-едва и остолбенел, дверь была открыта. Через мгновение Татьяна появилась в пеньюаре, обняла, и я утонул в море парфюма.

Наверное можно изучить досконально дальний и ближний космос, глубины всех океанов, но понять до конца женщину, не дано никому, даже с самыми современными приборами и технологиями.

После сцен бурной страсти я уже подумывал, как тактично, красиво, не огорчив даму благополучно удалиться восвояси.

Ибо самый желанный момент, по моему мнению, это когда ты уходишь, или наконец-то, слава Богу, уходит дама, бывшая объектом вожделения несколько часов.

И в этот момент я отчетливо услышал, как в замочной скважине входной двери осторожно поворачивается ключ, затем в прихожую брызнула полоска света.

Мои вещи в мгновение ока полетели за диван, а меня поволокли на балкон. В чем родила мать.

Позже я выяснил, что на шестой площадке дали четырехчасовую задержку и майор на пару часов решил навестить свою благоверную. Очевидно, были у супруга сомнения непреодолимой силы.

Был ноябрь. Ветер дул такой, что мог сбить человека с ног, особенно в аэродинамической трубе, которую образовывали три одиноко стоявших девятиэтажки. Я забился в угол балкона, попутно обругав рогатого мужа, что вместо того чтобы устраивать внезапные проверки супруге, лучше бы застеклил балкон. И еще насколько лоджия выигрывает перед балконом.

Рядом стояла маленькая ванночка, в которой купают детей до года. Не знаю, как мне удалось так съежиться, но я почти ей накрылся. Этаж был шестой, перелезть на другие балконы и лоджии возможности не было.

Я стучал зубами от холода, думал:

– Господи, если только я останусь жив, я никогда-никогда больше не свяжусь с замужней женщиной, вообще женюсь и буду самым примерным, самым верным мужем на свете.

Я стал засыпать. И уже в забытьи увидел какую-то добрую даму, наверное фею, в развевающихся белых одеждах, она, рыдая, подняла меня и куда-то потащила.

На кухне я смог выдать только одно слово:

– Спирта.

Таня поднесла мне стакан с какой-то жидкостью, сам я взять его не мог. Тряслись не только руки, но и все тело.

Выпив, как мне показалось воду, я возразил:

– Дура, я же просил спирта, а не воды.

– Сашенька, миленький, это же и был спирт, воды только чуть-чуть добавила, чтобы ты гортань не обжег.

И уже в ванной, заполненной почти доверху водой, от которой клубился пар, я стал приходить в себя.

Кое как одевшись и что-то буркнув на прощание, я покинул гостеприимную квартиру.

Спустя минуту понял, что вместо лифта иду по лестнице, в носках, полусапожки несущих в руках!

Опустился на ступеньки. Сколько я там просидел, не знаю, показался подполковник с баулом в руках:

– Мужик, – я обратился к нему, – дай закурить.

Подполковник остановился, как то пристально на меня посмотрел и положил на ступеньку, рядом со мной едва начатую пачку ТУ-134 и коробок спичек.

Замполит

Заместитель командира измерительной площадки по политической части, майор Николай Николаев среди сослуживцев выделялся не только выправкой, но и формой офицера пограничных войск КГБ СССР.

Начинал службу лейтенант Николаев на одной из погранзастав в Туркмении. В обязанности замполита входил тесный контакт с местным населением. Николаев регулярно собирал жителей аулов в сельских клубах, правлениях колхозов и докладывал, о том что в мире обстановка очень напряженная, враги советского государства постоянно изыскивают самые коварные способы проникнуть на территорию СССР и выведать военные и государственные тайны.

– Поэтому, – в сотый раз говорил Николаев, – при появлении незнакомых лиц, или транспортных средств, немедленно докладывать своему участковому милиционеру, а еще лучше сразу в погранотряд.

То ли Николаев слишком часто проводил беседы с жителями, то ли жители были не совсем довольны советской властью, но когда в селении появился переодетый сотрудник КГБ и, коверкая русские слова, сообщил, что он американский шпион, население отреагировало, совсем не так, как этого требовал Николаев.

«Шпиону» собрали сто рублей денег, дали старенький мотоцикл с полным баком бензина и листок с подробным указанием пограничных секретов.

После такого результата воспитательной работы, Николаева в мгновение ока, из Туркестанского военного округа перебросили в Краснознаменный Среднеазиатский, а там распределили на дальнюю площадку.

Но и здесь, обжившись, Николаев продолжил свою воспитательную работу. Политинформацию замполит любил проводить по пятницам, когда офицеры выезжали с площадки домой.

И все одно и то же, скучно, однообразно и долго. Мучительно долго. В городе уже ждут жены и подруги, а тут приходится сидеть в комнате отдыха и слушать бредни, длившиеся часа полтора, а то и два. Потом неугомонный Николаев придумал еще одну каверзу.

Собрав офицеров, он потребовал в приказном порядке всем выписать газету «Красная звезда», а корешки подписных талонов принести ему. Так, на всякий случай. Доверяй, но проверяй. А Николаев был очень недоверчивый.

Естественно на этот дурацкий приказ все махнули рукой. Через месяц Николаев зашел в вахтовку на базе ГАЗ-66, где сидели офицеры, ожидая выезда в Приозерск, и объявил:

– Выезд в город отменяется до тех пор, пока я не увижу подписные талоны на «Красную звезду». Офицеры, повопив от возмущения часа три, вышли из вахтовки и уныло поплелись в гостиницу, матеря Николаева.

Через неделю Роговой, собрав в комнате отдыха потерпевших от произвола замполита, обратился к Большакову.

– Писатель, накатай-ка коллективное обращение офицеров 22 измерительной площадки в редакцию «Красной звезды». Писателем Большакова Николая прозвали неспроста. Выпускник Горьковского зенитно-ракетного училища, прибыв на площадку, обнаружил в себе недюжинный писательский талант.

Он строчил повести и романы в стиле Дюма. Правда, заканчивались все произведения одинаково. Влюбленная парочка, преследуемая рогатым мужем, отмахав на взмыленных лошадях, пару десятков лье, находили сеновал.

Она падала навзничь, любовник, отшвырнув шляпу, поднимал кучу юбок и припадал к лону возлюбленной. Дама стонала, кусала губы, извивалась змеей, рвала душистое сено, и в этот момент подкрадывался рогатый муж с мушкетом, с лицом, искаженным злобой и ненавистью. В рононосце угадывались черты начальника политотдела полковника Заярного.

Рогатый муж тщательно прцеливался и убивал обоих одной пулей. Офицеры после прочтения долго спорили, куда же это он попал, чтоб так и сразу насмерть.

– Пиши, – диктовал Роговой, закуривая сигарету.

– Обращаемся к вам, дорогая редакция с просьбой оказать нам помощь в получении нашей любимой газеты. Газета «Красная звезда» это наш друг, наставник и боевой товарищ. Мы несем службу на дальней площадке и часто вечерами, собравшись вместе, читаем любимую газету. Некоторые статьи даже конспектируем.

Когда мы приезжаем в город, все киоски и отделения почты, где можно оформить подписку, уже закрыты. И мы уже целый год просим нашего замполита, майора Николаева, выписать нам двадцать газет, чтобы хватило на всех. Но он на наши настойчивые просьбы только усмехается. Один раз даже сказал, что лучше выписать «Мурзилку», пользы для наших мозгов будет больше.

А без газеты, дорогая редакция, нам не обойтись! Ведь газета – это рупор партии и правительства, по ней мы каждодневно сверяем нашу жизнь и службу. Убедительно просим оказать нам помощь в получении нашей любимой газеты, и распишись за всех.

Через месяц из Москвы на полигон приехала комиссия в количестве двадцати человек. Драли, как сказал Базленко, политотдел полигона, а потом политотделы всех частей, особенно досталось Николаеву, которому даже не дали сказать слово в свое оправдание. Потрясая листком, написанным Большаковым, полковник из главного политического управления вопил, багровый от возмущения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.